

**Повесть Г.П. Каменева «Софья»
в контексте сентиментального повествования XVIII века**

Гавриил Петрович Каменев – яркий представитель русской литературы конца XVIII – начала XIX веков, самобытный поэт и прозаик, плодовитый переводчик. В его творчестве наметились тенденции, получившие развитие в романтической литературе: интерес к готике, автобиографизм лирики. С именем поэта связано зарождение жанра баллады и развитие сентименталистской идиллии, как поэт он ярко проявил себя в жанре элегии [Лазарчук 1999].

Особый интерес вызывает повесть «Софья» из раннего творчества Каменева, напечатанная в журнале «Муза» в 1796 году. Мы рассматриваем данное произведение как рецептивное по отношению к повести «Бедная Лиза» Н.М.Карамзина. Целью данной работы является доказательство того, что сентиментальная повесть Каменева, написанная с явной опорой на карамзинский текст, видоизменяется под влиянием эстетических воззрений автора (близких к предромантическим), приближаясь к беллетристическому повествованию.

Согласно фабуле рецептивной повести рассказчик находит неизвестную гробницу, встречает на ней старца, который оказывается приказчиком села. Он-то и рассказывает историю своей приемной дочери Софьи. Софья была влюблена в молодого крестьянина Ивана, отец уже благословил их на свадьбу. Но к соседу приказчика приезжает родственник из Москвы, злой и распущенный молодой человек Евгений, который влюбляется в Софью и, не получив ответного чувства, решает похитить ее. Иван, увидев на месте похищения, у реки, разбросанные вещи Софьи, думает, что та утонула, и бросается в реку. Софью возвращают из плена Евгения хорошие люди, но слишком поздно: Иван уже мертв. С девушкой при виде мертвого возлюбленного случается удар, и она умирает.

Хронотоп повести «Софья» тесно связан с карамзинским и в то же время имеет отличие от него. Следует отметить, что сочетание слов из названия села (Хлебородово) у Каменева можно прочитать и в описании места действия в «Бедной Лизе», но в другом контексте и с другим смыслом: «Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что любил работу, пахал хорошо землю <...> Но скоро по смерти его жена и дочь обедняли. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб пере-

стал хорошо родиться» [Карамзин 1966: 37]. И место действия вдалеке от Москвы, и название выбрано Каменевым намеренно, не исключена скрытая полемика с Карамзиным. Такая локация событий повести объясняется и фактами биографии Г.П.Каменева, уроженца Казани, стоящей на Волге. Название села, безусловно, говорящее. Соединяя в себе два слова «хлеб» и «рождать», оно заостряет внимание на том, что местность сельская, приносящая урожай, тем самым полезная для государства, и что люди в ней – крестьяне, близкие к земле, природе, стихии реки, а значит – добросердечные и неиспорченные.

Рядом с селом стоит старинная церковь, которая «осеняется тенями высоких сосн и берез» и знаково свидетельствует о духовных потребностях жителей. Следом за образами «величественной» реки, села и церкви следует описание ветхой хижины, напоминающее такое же описание хижины из «Бедной Лизы», отличает его лишь большая степень готичности («гранитный камень при входе», «унылый горный ветер» завывает сквозь «расщеляющуюся избу», пугая путешественников, «сова пускает томные вздохи» [Каменев 1979]) и заброшенный сад, находящийся за хижинкой, говорящий, по-видимому, о том, что семья, жившая в этом доме, была не столь бедна, как Лизина в повести Карамзина.

Готичность в описании можно объяснить тем, что в целом творчество Каменева тяготело больше к предромантизму, чем к сентиментализму, и опиралось на зарубежные литературные образцы эпохи. Как замечает один из его биографов Н. Второв, сочинения Каменева «имеют характер, общий в тогдaшнее время, сентиментальности, но в некоторых из них ... проявляется зародыш романтического элемента, заимствованный им, по всей вероятности, из немецкой литературы, с которою он был очень хорошо знаком» [Пашкуров, Разживин 2011, 2: 10]. Поэт и писатель окончил казанский частный пансион немца Вюльфинга, откуда и вынес прекрасное знание немецкого языка и немецкой литературы. В.В.Биткинова в монографии, посвященной эстетической системе предромантизма, упоминает о том, что ярче всего сентиментализм и предромантизм противопоставляются именно на стилистическом уровне и «таким элементам поэтики, как пейзаж, портрет, тип героя, образ автора – в соответствии с эстетикой «милого», «трогательного» или эстетикой «ужасного», «таинственного», «возвышенного» [Литература русского предромантизма 2012: 340]. Отсюда и «таинственное» изображение картины, заимствованной из повести Карамзина.

Следует заметить, что и в «Бедной Лизе» читатель встречается «готическую» зарисовку Симонова монастыря. Первые характеризующие его

эпитеты, «мрачные, готические башни»), явно выбиваются из окружающего сентименталистского контекста. Интерьер замка со следами разрушения, воющий ветер, видения, посещающие рассказчика и переносящие его в иные исторические эпохи, — также приметы предромантического сознания. В конце повести появляется краткое описание хижины Лизы и её матери, сопровождаемое только намеченным мотивом привидения: «В ней воет ветер, и суеверные поселяне, слыша по ночам сей шум, говорят: там стонет мертвец; там стонет бедная Лиза!» [Карамзин 1966: 54]. Мотив привидения, характерный для готического повествования, проявляется и в рецептивной повести (эпизод встречи рассказчика с отцом Софьи, который сначала кажется рассказчику призраком).

Обращается Г.П.Каменев и к карамзинскому образу могилы главной героини. Однако, в отличие от «Бедной Лизы», где этот образ появляется в эпилоге, описание места захоронения девушки у Каменева помещено в экспозиции с определенной целью — вызвать интерес читателя. «Розовые кусты, наклонившие пушистые свои головки, скрывают от глаз древнюю гробницу. Разломанная мощною рукою времени, она представляет вид всеобщего разрушения. Беспрестанная сырость стерла с нее надпись <...>» [Каменев 1979] – могила, как и у Карамзина, безымянная. Ее описание интересно, в первую очередь, благодаря использованию символики растений, широко распространенной и популярной в культуре XVIII–XIX веков. Рассказчик догадывается о том, что здесь погребен хороший человек, именно по розмарину, растущему возле могилы: «Розы, розмарин, не могут украшать костей изверга...». Сама Софья в повести сравнивается с розой, символом быстро увядающей красоты: «Дочь моя, как роза, шла с посохом позади их» (сравнимо с Лизой, образу которой сопутствует образ ландыша, как символа чистоты и невинности). Таким образом, на уровне хронотопа, некоторых образов, включенных в него, а также на уровне символики (важная роль художественной детали) между произведениями Г.П.Каменева и Н.М.Карамзина можно провести четкие параллели, говорящие о преемственности повести «Софья» и текста «Бедной Лизы».

Ориентация Каменева на карамзинскую традицию прослеживается и на уровне нарративной структуры рецептивной повести. Героиня лишилась своего настоящего отца в пятнадцать лет. Ее историю, как уже было сказано, повествует приемный отец. Автор «Софьи» заимствует принцип единства трех начал, о котором подробно писала Т.А.Алпатова [Алпатова 2012: 425]: повествователь, герои и читатель в рецептивном произведении так же, как и в «Бедной Лизе», составляют три центра повествования. Использование формы композиционной «рамки» (в ко-

торой авторское вступление и заключение не связаны непосредственно с событийным сюжетом, выступают, прежде всего, как эмоциональная «настройка») позволило Карамзину словно бы «перекинуть мостик» от героев к читателю [Алпатов 2012: 427]. Наибольший интерес вызывает то, что композиционная «рамка» усложняется Г.П.Каменевым благодаря введению еще одной повествовательной инстанции — приёмного отца девушки. Н.М.Карамзин лишь упоминает о том, откуда повествователь знает историю Лизы: «Он сам [Эраст] рассказал мне сию историю и привел меня к Лизиной могилке» [Карамзин 1966: 55]. Каменев придает еще большую достоверность описанному, ведь история Софьи ярко преподнесена вторым повествователем, который являлся непосредственным участником произошедших событий.

Необходимо отметить и особенности образной системы повести Каменева. Безусловно, выведение на первый план образа деревенской девушки, имя которой выносится в название, – отсылка к «Бедной Лизе». Однако главные героини Карамзина и Каменева отличаются: обе были крестьянками, но неравная, несчастная любовь настигла лишь Лизу. Софья влюблена в обыкновенного крестьянина Ивана (имя подобрано в соответствии с происхождением героя, сравним с именем возлюбленного Лизы – Эраст), и тот отвечает ей взаимностью. Лиза долго сомневается, стесняется, не может взглянуть на Эраста, скрывает от матери свою любовь, осознавая, что она обречена на трагическую развязку. И мать Лизы абсолютно ничего не подозревает. Софья, в отличие от Лизы, первой заговаривает с будущим женихом, предлагая испить воды из реки (снова образ реки). Приказчик Каменева (отец героини) проницателен и умен, он сразу догадывается о чувстве дочери, та поверяет ему все тайны, зная, что отец всегда войдет в ее положение. Отец, в свою очередь, соглашается на брак, очень мудро поясняя свой поступок: «Любовь детей увенчать супружеством есть первый долг родителей. А ныне сколько мы видим пагубных примеров противного тому! Любящихся – разделяют: поневоле заключают в несносные узы. Посмотрите же на плоды столь варварского принуждения!» [Каменев 1979]. Такая «равная» любовь Софьи и Ивана является негласным образцом для читательниц, автор описывает ее открытой и чистой, истинной. Пропаганда традиционных ценностей семьи, верности также можно отнести к приметам будущей беллетристической – в частности, женской – литературы.

Каменев вводит, кроме образов возлюбленных и родителя, образ злодея Евгения. Мотивы похищения, самоубийства из-за ложного известия о смерти возлюбленной связывают повесть с беллетристическими сюжета-

ми, с сюжетами любовно-авантюрных и куртуазных романов XVII века, мотивы из которых «перекочевали» в русскую оригинальную повесть. Отличительной чертой литературы порубежной эпохи является именно «нанизывание» мотивов [Курышева 2012: 38]. Остросюжетность повествованию придает именно сюжетная линия Софья – Евгений. Конфликт в произведении происходит не между возлюбленными – они принадлежат одному миру, – а между сельскими и городскими жителями. В этом плане очень показателен эпизод с диалогом Софьи и Евгения, где злодей предлагает девушке уехать в Москву. Софья отказывается от предложения «в золоте ходить, на золоте есть, из золота пить», не верит словам о том, что в Москве «люди учтивы, ласковы, любезны», и ссылается на слова отца о городе («там живут, говорят, людоеды»). Противопоставление городской и сельской жизни, содержащееся у Карамзина в скрытой форме, рассыпанное по всей повести в пейзажах, портретах и поступках героев, у Каменева читатель найдет в словах Софьи, которая повторяет выученное у отца: «Беги городского зараженного воздуха <...>! В сельском уединении лучше, нежели в городе. Там должно жить, как велят, а не так, как хочется. Там бедных считают дураками, богатых – умными. Там счастье ездит в каретах, а с умом пешком бродят. Там люди не то языком говорят, что у них на сердце. Там встречают по платью – провожают по деньгам» [Каменев 1979]. Необходимо отметить, что данный диалог является неким вкраплением в нарратив повести, будто отрывком из пьесы, оформленным по всем правилам драматического произведения.

Изменения образной системы приводят и к изменению идеи всего произведения. Эгоистичный поступок Евгения, «который был зол, высокомерен и распушен» [Каменев 1979], приводит к гибели обоих героев и к разрушенной судьбе отца Софьи. Повесть оканчивается философским рассуждением рассказчика о том, что «мы все рано или поздно будем покоемся в тесном жилище. Окрест нас будут шуметь сосны <...>» [Каменев 1979]. Образ сосен, который встречался в начале повести, символизирует бесконечную жизнь души человека. Рассказчик «успокаивается» и засыпает в конце повести, потому что понимает, что перед смертью все равны, что когда-нибудь и он умрет. Он не долго плачет над погибшими возлюбленными, потому что души их не погибли, пока о них помнит хоть один «чувствительный путник». Таким образом, Каменев отказывается от остросоциального конфликта «Бедной Лизы» и от мотива самоубийства.

Рассмотрев все введенные Каменевым в сентиментальную повесть мотивы, разножанровые элементы, а также стилевые изменения во фрагментах, явно заимствованных из повести Карамзина, отмечаем, что ав-

тор рецептивного произведения выстраивает нарратив по принципу «нанизывания» эпизодов, нехарактерного для сентиментальной повести. Эстетическая система предромантизма являлась переходной, выражалась больше в литературных тенденциях, нежели в сформировавшихся устойчивых формах [Литература русского предромантизма 2012: 339]. Для предромантиков смешение жанровых канонов — путь поиска нового в литературе. Г.П.Каменев также был подвержен этому веянию творчества. Нарратив сентиментальной повести «Софья», определенно родившийся в процессе рецепции, художественного переосмысления феноменально популярной «Бедной Лизы», изменен и преобразен еще и с целью обрести более широкую читательскую аудиторию, привлечь интерес читателя. Глубинные процессы в русской литературе, отразившиеся в творчестве Каменева, в повести «Софья» действовали как механизмы ненамеренной беллетризации сентиментальной повести как жанра.

Литература

Алпатова Т.А. Проза Карамзина: поэтика повествования / Т.А.Алпатова. — М.: МГОУ, 2012. — 559 с.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М.Бахтин. — М.: Искусство, 1979. — 421 с.

Гурвич И.А. Беллетристика в русской литературе XIX века / И.А.Гурвич. — М.: Изд. Российского открытого ун-та, 1991. — 90 с.

Ермоленко С.И. Литература второго ряда и становление русского психологического романа / С.И.Ермоленко // Уральский филологический вестник. — 2014. — № 1. — С. 5-23.

Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы / В.М.Жирмунский. — Л.: Наука, 1978. — 419 с.

Каменев Г.П. Софья [Электронный ресурс] / Г.П.Каменев // Русская сентиментальная повесть. / Под ред. П.А. Орлова — М.: Изд-во Московского университета, 1979. Режим доступа: http://az.lib.ru/k/kamenew_g_p/text_0030.shtml.

Карамзин Н.М. Бедная Лиза / Н.М.Карамзин // Н.М.Карамзин. Избранные произведения. — М.: Детская литература, 1966. — С. 35-55

Курьшова Л.А. Сюжетно-мотивные комплексы русской рукописной литературы XVIII века / Л.А.Курьшова // Сюжетно-мотивные комплексы русской литературы. — Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2012. — С.27-37.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века) / Ю.М.Лотман. — СПб.: Искусство, 1994. — 399 с.

Пащуков А.Н., Разживин А.И. История русской литературы XVIII века: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. / А.Н.Пащуков, А.И.Разживин. — Елабуга: ЕГПУ, 2011. — Ч. 2. — 448 с.

Лазарчук Р.М. Каменев Гаврила Петрович [электронный ресурс] / Р.М.Лазарчук // Словарь русских писателей XVIII века. — Вып. 2, Спб, 1999. —

Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома) РАН. Режим доступа: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=988>

Тынянов Ю.Н. О литературной эволюции / Ю.Н.Тынянов // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М.: Наука, 1977. – С. 270-281.

Литература русского предромантизма: мировоззрение, эстетика, поэтика: монография / Т.В. Федосеева, А.В. Моторин, А.И. Разживин и др.; под ред. Т.В. Федосеевой; Ряз. гос. ун-т им. С.А. Есенина. – Рязань, 2012. – 492 с.

Н.И.Тангаева

Рязань, Рязанский государственный университет имени С.А.Есенина

Интерпретация культурных истоков русской нации в публицистических сочинениях М.Н.Макарова

В центре нашего внимания – публицистические работы М.Н. Макарова 1820-х годов, посвященные интерпретации культурных истоков русской нации. В ведущих журналах этого десятилетия поэты, писатели, публицисты обращаются к истории страны и жизни народа как источникам национального культурного наследия. Писатель и этнограф Макаров в качестве источников для осмысления национального генезиса избирал крестьянский быт и деревенские предания, обнаруживая в исторических формах традиционного быта следы ритуалов и верований древних славян. Результатом его этнографических наблюдений стали статьи «О старинных русских праздниках и обычаях» (1820), «Краткая записка о некоторых достопамятностях Рязанских и Пронских» (1820), «Краткая записка о некоторых простонародных словах <...> с некоторыми замечаниями об обрядах, одежде и прочее» (1820), «Древние и новые божбы, клятвы и присяги русские» (1828). В них предложена концепция зарождения национальной культуры в первобытные времена, которая органично впитала пережитки языческого влияния и укрепилась с принятием христианства. Для Макарова его этнографические исследования были способом гражданского служения Отечеству и умножения его культурного богатства.

* * *

В 20-е годы XIX века в русской литературе активно развивается обозначенное еще в последние десятилетия XVIII века стремление к обретению самобытных основ отечественной культуры. Словесность пополняется исследованиями публицистов, филологов, писателей и поэтов (А.С.Кайсарова, Н.Ф.Грамматина, А.С.Шишкова, А.Х.Востокова,